

АНАЛИЗЪ ИДЕИ ПРОСТРАНСТВА.

I.

Психологическая точка зрѣнія.

Въ моей душѣ есть нѣкоторое знаніе. Въ меня (для простоты,—но также и во мнѣ) есть нѣкоторый *познаваемый* предметъ. Надъ моимъ знаніемъ и познаваемымъ мною предметомъ, въ нихъ и за ними, есть нѣчто, ихъ объединяющее: царить нѣкоторый законъ, опредѣляющій ихъ взаимоотношеніе, носится нѣкоторая идея, озаряющая ихъ высшимъ свѣтомъ—черезъ установку ихъ отношенія къ законамъ и началамъ общеміровой жизни, черезъ указаніе связи съ міровымъ цѣлымъ и т. д.

Вотъ, въ простѣйшей схемѣ, различіе трехъ основныхъ точекъ зрѣнія: психологической, гносеологической (или теоретико-познавательной) и метафизической,—различіе, которое, хотя и должно бы входить въ составъ азбуки теоретической философіи, однако же далеко не всегда сознается съ надлежащею отчетливостію. Я могу остановиться, въ своемъ анализѣ, на знаніи, какъ именно знаніи, независимо отъ познаваемой системы вещей (точка зрѣнія *психологическая*): могу принять во вниманіе вмѣстѣ и эту послѣднюю (точка зрѣнія *гносеологическая*); могу, наконецъ, взять систему идей и систему вещей въ единствѣ, поднявшись надъ ними на точку зрѣнія общеміровую,—могу, говоря иначе, взять вопросъ во всеобщемъ смыслѣ (точка зрѣнія *высшая*, въ собственномъ смыслѣ философская или *метафизическая*).

Намъ необходимо было напомнить это элементарное различеніе, чтобы точнѣе и ближе опредѣлить область предстоящихъ философскихъ изысканій.

Задача настоящаго изслѣдованія собственно метафизическая: оно хочетъ изложить ученіе о пространствѣ, какъ ингредиентѣ (составной части) міроваго цѣлаго, то-есть какъ объ одномъ изъ міровыхъ „началъ“ (формъ существованія, можетъ быть, законовъ, опредѣляющихъ міровые процессы и т. д.). Такъ какъ, однако, нельзя философствовать въ безвоздушномъ пространствѣ и плоха была бы та метафизика, которая захотѣла бы совершенно порвать со всякими фактами или ихъ систематически игнорировать, то къ метафизической точкѣ зрѣнія на нашъ вопросъ намъ необходимо пройти чрезъ обѣ нижележащія ступени: психологическую и гносеологическую.

И прежде всего намъ необходимо ориентироваться въ вопросѣ съ психологической точки зрѣнія, т. е. въ области первичныхъ психологическихъ фактовъ и выработанныхъ наукою ихъ объяснительныхъ гипотезъ. Но, конечно, мы отнюдь не можемъ входить здѣсь въ подробности, какъ извѣстно разрастающіяся, въ современной литературѣ, по отдѣльнымъ, и иногда совсѣмъ специальнымъ вопросамъ, въ цѣлые томы. Нѣтъ, намъ достаточно ввести въ сферу нашего обзрѣнія лишь тѣ моменты психологическаго обсужденія вопроса, которые, съ одной стороны, могутъ содѣйствовать установкѣ искомымъ нами метафизическихъ результатовъ, а съ другой—дадутъ надежныя точки опоры для ихъ проверки.

1. Точка отправленія: пространство „зрительное“ и „осязательное“.

Въ вопросѣ, столь сложномъ и запутанномъ, какъ нашъ, очень важно взять точку отправленія въ *фактъ* и притомъ—въ фактъ возможно общаго признанія и принципиальнаго значенія.

Такимъ фактомъ въ занимающей насъ области служить глубокое различіе пространственныхъ представленій у людей, обладающихъ зрѣніемъ и—лишенныхъ его, или такъ называемаго „зрительнаго“ и „осязательнаго“ пространства. Въ общихъ чертахъ фактъ этотъ извѣстенъ давно и давно уже привлеченъ философами-психологами къ обсужденію вопроса. Но лишь въ сравнительно недавнее время онъ обратилъ на себя то вниманіе, какого по всей справедливости

заслуживаетъ, и сдѣлался предметомъ тщательнаго анализа, вызвавъ, конечно, и различныя толкованія.

Обычное явленіе въ исторіи науки!

Однако же, спорные и подвижные моменты истолковательныхъ гипотезъ не должны, конечно, закрывать отъ насъ самаго факта, въ его прямомъ значеніи и смыслѣ.

До чего рѣзко отличаются „осязательныя“ пространственныя представленія отъ представлений „зрительныхъ“, т. е. представленія о пространствѣ слѣпыхъ отъ представлений зрячихъ, ясно видно уже изъ того, что ученые, долго и внимательно наблюдавшіе съ этой стороны психическую жизнь слѣпыхъ, приходили къ заключенію, будто у нихъ вовсе нѣтъ идеи пространства. Такъ, извѣстный современникъ Канта Платнеръ, составившій себѣ репутацію вмѣстѣ и ученаго медика-профессора и проникательнаго философа, пришелъ, на основаніи своихъ наблюденій, къ убѣжденію, будто „чувство осязанія, само по себѣ, совершенно недостаточно для того, чтобы доставить намъ представленіе протяженія и пространства“; будто, вслѣдствіе этого, „человѣкъ, лишенный зрѣнія, абсолютно не имѣетъ никакого воспріятія внѣшняго міра“, такъ что будто бы „для слѣпорожденныхъ время служить вмѣсто пространства“ ¹⁾. Другой ученый, позднѣйшій, директоръ парижскаго института слѣпыхъ Жюль Пиръ, наблюдавшій надъ слѣпцами въ продолженіи семи лѣтъ и, — что особенно важно, — совсѣмъ незнакомый съ теоріею Платнера, высказался, однако же, по занимающему насъ вопросу почти въ томъ же смыслѣ, какъ и Платнеръ. И по его мнѣнію слѣпцы живутъ исключительно лишь во времени. Ихъ представленія о внѣшнихъ предметахъ, по истолкованію названнаго ученаго, суть, будто бы, лишь представленія или ожиданія возможной преемственности ощущеній, которыя можно испытать при соприкосновеніи съ предметами, но отнюдь не представленія внѣшняго сосуществованія или принадлежности частей предмета. Напримѣръ, когда слѣпой сидитъ въ креслѣ, то идея, которую онъ о немъ получаетъ, состоитъ, будто бы, лишь въ томъ, что, вода по креслу рукою, онъ встрѣчаетъ, — преемственно и послѣдовательно, т. е.

¹⁾ См. у Джона Стюарта Милля, *Обзоръ философіи Сэръ Вильяма Гамильтона* (Спб. 1869), стр. 219.

во временномъ порядкѣ, а не пространственномъ,—кожу, дерево, гвозди и т. п., причемъ, будто бы, у него вовсе нѣтъ представленія о томъ, что кресло есть тѣло протяженное. Вообще, по мнѣнію Пира, можно думать, что слѣпые не имѣютъ никакого понятія о протяженіи. Ихъ способъ представленія вещей не имѣетъ, будто бы, абсолютно ничего общаго съ нашимъ. Такъ напримѣръ, тогда какъ представленія, которыя имѣемъ о человѣкѣ мы, зрячіе, всё относятся къ его внѣшней формѣ, какъ бы размѣщаются въ одной пространственной схемѣ,—у слѣпца они связываются напримѣръ со звукомъ его голоса и т. д. ¹⁾).

Все это,—и заявленіе Платнера, и разъясненіе Пира,—какъ увидимъ далѣе, преувеличено: у слѣпыхъ *есть идея пространства* (такъ какъ между ними есть даже замѣчательные геометры), хотя *совсѣмъ иного характера*. Тѣмъ не менѣе, уже то обстоятельство, что приведенныя мнѣнія высказаны независимо другъ отъ друга, тономъ рѣшительнымъ и въ смыслѣ совершенно опредѣленномъ,—уже одно это обстоятельство заставляетъ насъ относиться къ нимъ, по меньшей мѣрѣ, осторожно: опровергая преувеличенные и не точные *выводы*, мы должны тѣмъ тщательнѣе описать и проанализировать, съ болѣе широкой точки зрѣнія, самые *факты* и тогда мы убѣдимся въ логической правомѣрности только что сдѣланной нами поправки, такъ какъ эти факты несомнѣнно обязываютъ насъ къ выводу, что идея пространства у слѣпыхъ, дѣйствительно, глубоко отлична отъ нашей, *инородна* сравнительно съ нею.

Въ чемъ же именно заключается это различіе?

Ближайшее изученіе фактовъ показываетъ, что въ нашей, „зрительной“, идеѣ пространства есть такія черты, которыя для слѣпыхъ абсолютно непонятны, такъ какъ совершенно у нихъ отсутствуютъ и, наоборотъ,—что въ ихъ идеѣ пространства есть черты, не совсѣмъ понятныя для зрячихъ. Говоримъ: „не совсѣмъ понятныя“, такъ какъ тѣмъ способомъ, которымъ образуютъ себѣ пространственныя представленія слѣпые, т. е. осязаніемъ, владѣемъ и мы, зрячіе, хотя есть основанія думать, что показанія осязанія у насъ глубоко измѣнены и преобразованы воспріятіями зрительными.

¹⁾ Dunan, *L'espace visuel et l'espace tactile* (въ *Revue philosophique*, 1888, vol. 25), p. 357 suiv.

Французскій психологъ Дюнанъ такъ именно и поставилъ дѣло въ своей монографіи „Пространство зрительное и осязательное“ ¹⁾.

Онъ началъ свое изученіе вопросомъ: нѣтъ ли въ нашихъ зрительныхъ пространственныхъ представленіяхъ такого элемента, который преимущественно, если не исключительно, былъ бы связанъ съ воспріятіями зрѣнія и котораго поэтому, какъ можно ожидать уже а priori, не должно оказываться у слѣпыхъ? Такой элементъ, какъ показали его эмпирическія изслѣдованія, есть. Это—законъ перспективы т. е. всѣмъ извѣстнаго впечатлѣнія постепеннаго уменьшенія видимаго предмета пропорціонально его разстоянію отъ насъ. Психологъ спрашивалъ слѣпцовъ по одиночкѣ, знаютъ ли они хоть сколько нибудь объ этомъ законѣ, и оказалось, что нѣтъ. Тогда онъ разъяснилъ его сущность самому смышленому слѣпцу (Келену),—на одномъ примѣрѣ изъ области геометріи. Онъ напомнилъ послѣднему, что у равнобедренныхъ треугольниковъ съ одинаковыми основаніями уголъ вершины становится тѣмъ меньше, чѣмъ больше стороны. Это Келенъ зналъ и по своему понятъ. Но когда затѣмъ Дюнанъ попытался воспользоваться этимъ геометрическимъ построеніемъ для объясненія закона перспективы, когда онъ сказалъ, что основаніе треугольника есть видимый предметъ, а вершина — идеальный, проектируемый исходящими изъ предмета, также идеальными, линіями, уголъ, образуемый на сѣтчаткѣ нашего глаза и которымъ мы измѣряемъ предметъ: Келенъ не уразумѣлъ этой аналогіи и не сумѣлъ объяснить себѣ, при ея помощи, закона перспективы. Онъ вовсе не понималъ, какимъ образомъ возможно воспріятіе предмета изъ вершины треугольника, основаніемъ котораго онъ служить. И это, конечно, вполне естественно. Вѣдь перспективная проэкція предмета есть воспріятіе *на разстояніи*, а слѣпой можетъ образовать лишь идею воспріятія *чрезъ соприкосновеніе* въ осязаніи.

Отчасти на основаніи только что указаннаго, отчасти и на основаніи другихъ показаній слѣпцовъ, Дюнанъ пришелъ къ выводу, что тѣла имѣютъ для послѣднихъ „абсолютную и неспособную къ измѣненіямъ величину“, такъ что они рѣ-

¹⁾ Op. cit

шительно не въ состояніи понять, какимъ образомъ одно и то же тѣло намъ зрячимъ можетъ казаться то меньше, то больше, смотря по разстоянію. И въ этомъ послѣднемъ пунктѣ,—замѣтимъ,—согласіе въ показаніи слѣпцовъ полное. Вотъ почему оперированные слѣпцы очень удивляются, когда мало по малу знакомятся съ закономъ перспективы. Такъ, извѣстный операторъ Чезельдэнъ рассказываетъ изъ своей практики слѣдующій случай. Одному оперированному субъекту, когда онъ присмотрѣлся уже къ лицамъ своихъ родственниковъ, показали миниатюрный портретъ отца, вдѣланный въ часы матери. Ему объяснили, кто это и онъ нашелъ сходство. Но онъ очень удивился тому, что большое лицо можетъ быть изображено на такомъ крошечномъ предметѣ, какъ часы: „прежде“,—сказалъ онъ,—„это показалось бы мнѣ столь же невозможнымъ, какъ, напримѣръ, помѣстить бочку въ стаканъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ нашихъ зрительныхъ представленіяхъ оказываются такія черты, которыя слѣпцамъ абсолютно недоступны и, даже когда они получаютъ зрѣніе, кажутся странными.

Но, какъ мы сказали, и наоборотъ,—въ пространственныхъ представленіяхъ слѣпцовъ или въ такъ называемомъ „осязательномъ“ пространствѣ должны оказаться такія подробности, которыя, въ свою очередь, чужды намъ, зрячимъ. И это, какъ убѣдился Дюнанъ,—въ этомъ другая часть его метода,—дѣйствительно такъ: такова именно способность слѣпцовъ представлять пространство безъ окраски (безцвѣтнымъ) и формы и, наоборотъ,—цвѣта представлять безъ протяженія.

Само собою понятно, что у слѣпцовъ, совершенно лишенныхъ зрѣнія, нѣтъ и быть не можетъ представленія о цвѣтахъ и краскахъ. Но какъ, при такомъ условіи, они всетаки вырабатываютъ идею пространства,—отъ полного и яснаго пониманія этого факта (ибо это несомнѣнный фактъ) намъ, зрячимъ, къ сожалѣнію, приходится отказаться, хотя недостатка въ попыткахъ, со стороны самихъ слѣпцовъ, разъяснить намъ эту подробность нѣтъ.

¹⁾ Ипполитъ Тэнъ, *Объ умѣ и познаніи*, перев. подъ ред. Н. Н. Страхова, 1872 г., т. II, стр. 64.

По сообщенію все того же Дюнана, они согласно свидѣтельствуя, что, хотя имъ нужно несравненно больше времени, чѣмъ намъ, на воспріятіе новаго предмета, такъ какъ они должны изслѣдовать его въ мельчайшихъ подробностяхъ осязаніемъ, но, разъ такое изслѣдованіе закончено, то предметъ, каковъ бы онъ ни былъ,—шаръ, кубъ, человѣкъ, улица и т. п.,—они представляютъ уже безъ затрудненія и притомъ сразу. Предметъ для насъ, поясняютъ они, есть „совокупность линій“. Они какимъ то непостижимымъ для насъ образомъ способны воспроизводить въ своемъ воображеніи каждый разъ, какъ говорятъ о томъ или другомъ предметѣ, цѣлую группу сходящихся и пересѣкающихся линій: это и есть для нихъ пространственная форма... Конечно, намъ, зрячимъ, очень трудно, представить себѣ пространственную форму помимо средствъ, доставляемыхъ зрѣніемъ, т. е. безъ цвѣта и окраски. А между тѣмъ относительно слѣпцовъ это фактъ, хорошо засвидѣтельствованный согласными и точными показаніями многихъ. Съ другой стороны, мы узнаемъ отъ нихъ, что, какъ протяженность они могутъ представлять себѣ безъ окраски и цвѣта, такъ, наоборотъ, и цвѣта могутъ представлять безъ протяженія. Такъ, тотъ же самый Келенъ, о которомъ уже было упомянуто выше,—слѣпецъ, который не различаетъ цвѣтовъ, хотъ и воспринимаетъ нѣкоторыя свѣтовые впечатлѣнія и, на примѣръ, въ освѣщенной дневнымъ свѣтомъ комнатѣ можетъ сказать, съ какой стороны окно,—этотъ самый слѣпецъ далъ Дюнану, по занимающему насъ вопросу, слѣдующія разъясненія:

— „Ваши свѣтовые ощущенія, — спросилъ психологъ, — имѣютъ ли они какую нибудь форму протяженія?

— „Нѣтъ, отвѣчалъ слѣпецъ, форма протяженія имъ чужда, точно такъ же какъ ощущеніямъ звука или запаха.

— „Однако, вѣдь вы же локализуете получаемое вами впечатлѣніе ясности—(clarté), такъ какъ поворачиваетесь въ сторону окна?..

— „Безъ сомнѣнія, былъ отвѣтъ... Я локализуя въ пространствѣ мои свѣтовые ощущенія. Но вѣдь я локализуя и свои звуковыя ощущенія. Я знаю, изъ какой части пространства идетъ свѣтъ, точно такъ же какъ знаю, откуда идетъ звукъ,—съ тою лишь разницею, что ощущенія звука возбуждаютъ во мнѣ разомъ и идею направленія, и идею разстоя-

нiя, тогда какъ свѣтовое ощущенiе возбуждаетъ лишь идею направленiя.

— „Итакъ, продолжалъ свои вопросы психологъ, когда вы говорите, что свѣтъ совсѣмъ не имѣетъ для васъ формы протяженiя, то вы хотите сказать, что, какъ и звукъ, онъ вовсе не представляется вамъ чѣмъ то, какъ бы обнимающимъ, окутывающимъ или обволакивающимъ предметы и что, представляя тѣла въ воображенiи, вы не придаете имъ абсолютно никакого цвѣта и не представляете ихъ окрашенными или свѣтлыми точно такъ же, какъ не представляете ихъ звучащими?...

— „Совершенно вѣрно.

— „Слѣдовательно, когда я говорю вамъ, что для меня цвѣта имѣютъ очертанiя, то это не имѣетъ для васъ въ сущности никакого смысла?

— „Рѣшительно никакого“ ¹⁾...

Вотъ искусная и методически точная постановка дѣла!

Можетъ быть, въ отвѣтахъ слѣпца нѣкоторыя ударенiя сдѣланы уже слишкомъ сильно,—это естественно, конечно, при данныхъ условiяхъ. Но, во всякомъ случаѣ, для насъ должно быть ясно, что это все же не нашъ способъ представленiя. Значитъ, въ „обязательномъ“ пространствѣ, то есть въ пространственныхъ представленiяхъ людей, лишенныхъ зрѣнiя, есть моменты, недоступные намъ, зрячимъ,—хотя и не въ абсолютной степени, въ какой недоступны нѣкоторые моменты „зрительнаго“ пространства слѣпцамъ.

Такимъ образомъ, *отчасти слѣпцы не могутъ понять нашего способа представлять пространство,—и они въ степени абсолютной,—отчасти мы не можемъ понять ихъ способъ.*

Притомъ,—и это особенно замѣчательно,—эти способы представлять пространство исключаютъ другъ друга, какъ *двѣ разнородныхъ системы психологическихъ процессовъ* или, по крайней мѣрѣ, не покрываютъ другъ друга, причемъ не совпадающiя части находятся какъ бы въ противоборствѣ, тѣсня одна другую. Это доказывается: а) наблюденiями надъ характеромъ пространственныхъ представленiй, съ одной стороны, у лицъ, потерявшихъ зрѣнiе уже послѣ того, какъ они нѣсколько освоились съ представленiями зрительными; съ

¹⁾ Dunan, *op. cit.*, pp. 362—3.

другой,—б) наблюденіями надъ субъектами, получившими зрѣніе послѣ операціи.

а. Изъ фактовъ перваго рода особенно цѣнны разъясненія слѣпца Берню (Bernus), который потерялъ зрѣніе семи лѣтъ отъ роду. Въ моментъ его показаній ему было 35 лѣтъ. Онъ человѣкъ очень интеллигентный и, несмотря на свою слѣпоту, состоитъ въ училищѣ для слѣпыхъ преподавателемъ грамматики и литературы. Изъ его разъясненій оказалось, во-первыхъ, что онъ и теперь, въ 35 лѣтъ, всѣ предметы, напримѣръ, буквы алфавита „ночного письма“, — алфавита Брайя,—окрашиваетъ. Во-вторыхъ,—что сначала, лѣтъ до 25—8, у него преобладало зрительное представленіе пространства надъ осязательнымъ т. е. онъ представлялъ себѣ предметы и,—что особенно характерно,—даже грезилъ, *какъ зрячій*, а потомъ, начиная съ этого времени, у него стали брать верхъ осязательныя представленія пространства, т. е. его думы, мечты и даже сны сдѣлались жизнью слѣпца. „Это значить“,—разъяснялъ онъ это послѣднее свое заявленіе,—„что до 25 лѣтъ я являлся себѣ въ своихъ сновидѣніяхъ зрячимъ и дѣйствовалъ, какъ зрячій, тогда какъ теперь и во снѣ я слѣпецъ точно такъ же, какъ на яву: я воображаю во время сна, будто брожу въ потемкахъ, схватываю предметы точно такъ же, какъ я дѣлаю теперь и на яву; прежде у меня было два состоянія,—состояніе слѣпца днемъ и зрячаго ночью. Теперь же только одно и днемъ и ночью,—состояніе слѣпца“ ¹⁾. Смыслъ этого факта понятенъ. Зрительный способъ пространственныхъ представленій, какъ болѣе развитой и совершенный, уступаетъ свое мѣсто осязательному лишь мало по малу, послѣ упорной борьбы,—лѣтъ черезъ 20. Нѣкоторые элементы зрительнаго пространства, правда, остаются, но, не гармонируя съ осязательными представленіями, служатъ субъекту лишь во вредъ. Такъ мы узнаемъ,—отъ того же Берню,—что онъ сохранилъ, и послѣ замѣны одной системы пространственныхъ представленій другою, способность и наклонность окрашивать предметы и даже совсѣмъ не могъ, напримѣръ, представлять буквы алфавита Брайя безъ окраски т. е. не могъ выработать объ нихъ чисто осязательнаго представленія, что, какъ извѣстно,

¹⁾ Ibid., p. 369.

вполнѣ легко дѣлають сравнительно менѣе интеллигентныя слѣпцы отъ рожденія: это, безъ сомнѣнія, не мало препятствовало ему, какъ препятствуетъ и зрячимъ, въ практическомъ пользованіи алфавитомъ. Психологическое объясненіе всѣхъ этихъ фактовъ, конечно, вполнѣ понятно. „Зрительныя формы пространства“,—пишетъ Дюнанъ, — „оставшіяся въ памяти слѣпца съ той поры, когда онъ владѣлъ зрѣніемъ, образованы по закону совсѣмъ другому сравнительно съ тѣмъ, который управляетъ чисто осязательными пространственными представленіями у слѣпцовъ отъ рожденія и, такъ какъ форма пространства, возникающая изъ приложенія перваго закона, представляетъ громадныя выгоды сравнительно со второю формою пространственныхъ представленій, то весьма естественно, что духъ слѣпца, сохранившаго зрительныя воспоминанія, упорно противится замѣнѣ болѣе совершенной формы представленій формою менѣе совершенною, что дѣлаетъ для него абсолютно непроницаемымъ міръ осязательнаго пространства, въ которомъ живутъ слѣпцы отъ рожденія“ ¹⁾. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого психологическаго толкованія приведенныхъ выше фактовъ служить слѣдующая любопытная подробность, приводимая далѣе Дюнаномъ. Пти, цензоръ института слѣпыхъ, долго обращавшійся съ ними, говоритъ, что онъ сравнительно легко и скоро научился читать глазами „ночное письмо“ т. е. алфавитъ Брайя, но что онъ никогда не могъ добиться того, чтобы прочитать хотя бы одно слово пальцами,—что легко дѣлають слѣпцы. Причина этого факта заключается, очевидно, въ томъ, что въ его сознаніи, при попыткахъ этой послѣдней категоріи, происходитъ путаница двухъ различныхъ порядковъ пространственныхъ воспріятій, зрительныхъ и осязательныхъ, которыя, будучи образованы по различнымъ законамъ, тѣснятъ другъ друга, путають сознаніе, парализуютъ его энергію и лишаютъ отчетливости и увѣренности. Изъ всего этого слѣдуетъ, что у людей, обладающихъ зрѣніемъ, *пространство уже вполнѣ переведено съ языка осязанія на языкъ зрѣнія* и, значитъ, болѣе уже совсѣмъ не существуетъ въ осязательной формѣ: иначе оно находилось бы въ антагонизмѣ и борьбѣ съ пространствомъ

¹⁾ Ibid., pp. 372—3.

зрительнымъ и нарушало бы нормальное теченіе сопряженныхъ психологическихъ процессовъ. Наоборотъ, у людей, утратившихъ зрѣніе, переводъ зрительнаго пространства на осязательное совершается лишь крайне медленно и съ упорною борьбою, такъ какъ здѣсь болѣе совершенной системѣ представленій приходится уступать свое мѣсто системѣ менѣе совершенной, что, конечно, противорѣчитъ закону экономіи силъ и господствующему надъ всею психикой телеологическому принципу.

6. Мы видѣли, что бываетъ съ людьми, утрачивающими зрѣніе (или пытающимися замѣнить его, въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, одними осязательными ощущеніями),—какой разладъ наступаетъ въ ихъ представленіяхъ и дѣйствіяхъ, когда слабо и лишь отчасти сохранившіеся элементы зрительнаго пространства перемѣшиваются, въ ихъ сознаніи, съ представленіями осязательными. Эту картину,—картину разлада и дисгармоніи,—дополняютъ наблюденія надъ субъектами, которымъ зрѣніе возвращено операціею. Они показываютъ, что, въ свою очередь, и осязательное пространство у людей, съ нимъ сжившихся, представляетъ стойкое противоѣдствіе замѣнѣ его пространствомъ зрительнымъ. Въ данномъ отношеніи весьма большой интересъ представляютъ опыты лозанскаго доктора Дюфура, которому удалось возвратить посредствомъ удачной операціи зрѣніе двадцатилѣтнему слѣпорожденному юношѣ Ною М. ¹⁾. Опыты Дюфура съ ясностію показали, что оперированный субъектъ долженъ былъ, такъ сказать, *переводить* свои новыя зрительныя и пространственныя воспріятія на языкъ знакомыхъ ему прежде осязательныхъ,—точно такъ же, какъ зрячій, утративъ зрѣніе, долженъ переводить свои новыя осязательныя пространственныя воспріятія, какъ мы видѣли это раньше, на знакомый уже ему языкъ представленій зрительныхъ. И этотъ переводъ совершается также очень медленно и постепенно, хотя и не съ такимъ трудомъ, какъ въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ здѣсь приходится замѣнять менѣе совершенную систему процессовъ и знаковъ системою болѣе совершенною.

Вотъ нѣсколько относящихся сюда подробностей.

Залѣчивъ глаза и снявъ повязку, упомянутый нами врачъ

¹⁾ Ibid., 377—380.

привелъ своего пациента, Ноя М., въ умѣренно освѣщенную комнату, посадилъ спиною къ окну и, вставъ самъ недалеко отъ него, сталъ дѣлать легкія движенія рукою на своемъ цвѣтномъ костюмѣ. Начались вопросы.

— „Видите вы что нибудь?“

— „Да, что то свѣтлое“...

Понятіе свѣтлаго и темнаго у пациента существовало до операции и вполне естественно, слѣдовательно, что свое новое впечатлѣніе онъ квалифицировалъ знакомою уже ему категоріею свѣтлаго.

— „А какъ вы думаете,—что это?“

— „Это.... это“...

Вотъ, замѣчаетъ врачъ, стереотипный характерный отвѣтъ, который я получалъ въ продолженіе многихъ опытовъ, когда моему пациенту нужно было истолковать то или другое изъ своихъ зрительныхъ ощущеній.

— „Не видите ли вы,—продолжалъ врачъ свои вопросы далѣе,—что нѣчто движется?“

— „Двигается“?..

Врачъ прекратилъ движенія, потомъ снова сталъ повторять ихъ и допытывался, не замѣчаетъ ли пациентъ переменъ. Оказалось, что нѣтъ. И когда врачъ сталъ настаивать, чтобы пациентъ поточнѣе описалъ, что именно онъ видитъ, этотъ послѣдній повторялъ все одно и то же: „нѣчто свѣтлое“. Врачъ сталъ разнообразить свой опытъ еще болѣе. Но все тщетно. Больной былъ доведенъ до утомленія и всетаки не смогъ сказать, что видитъ именно движеніе руки. И это совершенно понятно. Его умъ былъ занятъ совсѣмъ иною, инородною идеею движенія, которая не имѣла никакого отношенія къ тому, что онъ теперь видѣлъ, и естественно, что, когда ему говорили о движеніи, онъ ожидалъ встрѣтить что-нибудь другое. Ему, значить, предстояло еще *по опыту* научиться „переводить“ одно воспріятіе въ измѣненіи пространственныхъ отношеній на другое.

Еще психологическій опытъ съ тѣмъ же пациентомъ.

На четвертый день послѣ описаннаго случая врачъ показываетъ Ною М. два листочка бѣлой бумаги,—одинъ круглый, другой квадратный.

— „Замѣчаете ли вы разницу между этими листочками?“—спрашиваетъ врачъ.

— „Да.

— „Какую“?..

Отвѣта нѣтъ.

— „Одинъ изъ листиковъ,—помогаетъ врачъ,—круглый, а другой квадратный: какой круглый и какой квадратный“?..

Больной помолчалъ съ минуту, а потомъ заявилъ, что не можетъ различить. Такимъ образомъ, онъ *видѣлъ* различіе, но чтобы точнѣе опредѣлить его, ему опять таки требовался опытъ, навыкъ и Дюфуръ показываетъ далѣе, какимъ именно образомъ совершался этотъ переводъ новыхъ воспріятій на знакомый языкъ: больной прибѣгалъ къ помощи руки и тогда легко и быстро различалъ, какой листикъ бумаги круглый и какой квадратный, какой больше, какой меньше, и уже позднѣе, внимательно всматриваясь, устанавливалъ связь одного воспріятія съ другимъ и протолковывалъ одно по другому ¹⁾!

Подобные факты уже давно извѣстны психологамъ (ихъ довольно приведено, напримѣръ, и у Тэна) и Дюфуръ не первый останавливаетъ на нихъ вниманіе. Но у него впервые отмѣчены нѣкоторыя любопытныя подробности. Напримѣръ, онъ подмѣтилъ, что будучи предоставленъ самому себѣ, пациентъ, предпочиталъ пользоваться осязаніемъ даже и тамъ, гдѣ ему могло бы лучше служить зрѣніе. Это происходило, очевидно, потому, что языкъ осязанія былъ ему все еще болѣе знакомъ, чѣмъ языкъ зрѣнія. Дюфуръ подмѣтилъ также, что, когда переводъ зрительныхъ воспріятій на осязательныя былъ для пациента затруднителенъ, когда, напримѣръ, рѣчь шла объ абстрактныхъ математическихъ свойствахъ вещей, онъ путался больше, иногда долго не находя выхода изъ затрудненія. Напримѣръ, разъ докторъ показалъ пациенту двѣ полосы бѣлой картонной бумаги, одинаковой ширины, но разной длины: одна приблизительно въ десять сантиметровъ, а другая въ двадцать.

— „Что вы видите?“—спросилъ врачъ.

— „Бѣлые предметы.

— „Равные?

— „Нѣтъ, отвѣчалъ испытуемый послѣ минутнаго колебанія.

¹⁾ Ibid., 379—380.

— „Одинъ длиннѣе другого,—не такъ ли?...“

Наступаетъ пауза.

— „Который же длиннѣе?...“

Отвѣта нѣтъ. На дальнѣйшіе вопросы больной заявилъ, что не можетъ рѣшить. Но потомъ мало по малу при помощи осязанія справился и съ этою трудностью. Здѣсь, очевидно, затронуть слишкомъ отвлеченный вопросъ, непосильный для человѣка, дѣлающаго первые шаги на пути сравненій и различеній, въ области отношеній зрительнаго пространства.

Итакъ, „зрительное“ и „осязательное“ пространство глубоко отличны одно отъ другаго, какъ два, совершенно инородныя, системы представленій.

Этимъ фактомъ, фактомъ безспорно крупнаго, прямо-таки принципіальнаго значенія, въ корнѣ подрывается состоятельность всѣхъ тѣхъ ученій о пространствѣ, включая и Кантовское ¹⁾, которыя исходятъ изъ признанія врожденности готовой пространственной схемы или формы, называютъ ли это врожденное знаніе о пространствѣ интуиціей, воззрѣніемъ, представленіемъ или какъ-нибудь иначе. Въ самомъ дѣлѣ, разъ наши пространственныя представленія находятся въ прямой зависимости отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ (осязанія и зрѣнія), то, уже по одному этому, мы отнюдь не можемъ разсматривать ихъ, какъ готовое знаніе, получаемое нами отъ предковъ, вмѣстѣ съ нашимъ рожденіемъ, и привносимое къ воспріятіямъ, изъ которыхъ слгаается нашъ „опытъ“.

Однако, съ другой стороны, простою ссылкою на *фактъ* принципіальнаго различія между „зрительнымъ“ и „осязательнымъ“ пространствомъ, конечно, еще далеко нельзя рѣшить старой философской тяжбы между такъ называемымъ *нативизмомъ* и *эмпиризмомъ*, то-есть между ученіемъ о пространствѣ, какъ врожденномъ, и какъ вырабатываемомъ путемъ опыта ²⁾.

¹⁾ Разборъ Кантовскаго ученія о пространствѣ сдѣлавъ нами на страницахъ *Богословскаго Вѣстника* за 1895 г., кн. 6—7.

²⁾ Терминологическая номенклатура здѣсь, однако, довольно спорна. Наиболее ясную классификаціонную схему гипотезъ мы находимъ у проф. Челпанова въ его изслѣдованіи: *Проблема воспріятія пространства, въ связи съ ученіемъ объ апіорности и врожденности* (Ч. I. Кіевъ, 1896), стр. 9. Почтенный ученый, въ сущности, выдерживаетъ введенное впервые Гельмгольцемъ раздѣленіе теорій на *эмпирическія* и *нативистическія*, хотя замѣняетъ эти термины другими.

Различіе между „зрительнымъ“ и „осязательнымъ“ пространствомъ говоритъ только, что наше пространственное знаніе не дано намъ изначала въ готовой формѣ. Но оно ничего не говоритъ о томъ, не приносимъ ли мы вмѣстѣ съ своимъ рожденіемъ, то-есть не обладаемъ ли до опыта, какими нибудь апіорными предрасположеніями, задатками, элементами, которые приводятъ въ апостеріорныя данныя: это совсѣмъ другой вопросъ.

И вотъ, чтобы ориентироваться въ этомъ послѣднемъ воп-

„Я предложилъ бы, пишетъ онъ, классификацію, основанную не на принципѣ врожденности (положенномъ въ основу классификаціи Гельмгольцемъ), а на признакѣ *производности*. Тогда у насъ получились бы *дѣтъ* группы теорій:

а) „Теоріи *непроизводности* (или, по принятой терминологіи, *нативистическія*): сюда относятся Гемилтонъ, Герингъ, Штумфъ, Джамсъ. По этимъ теоріямъ мы ощущаемъ протяженность такъ же, какъ другія качества вещей.

б) „Теоріи *производности* (по принятой терминологіи *генетическія* или (?) *эмпирическія*), предполагающія вмѣшательство особыхъ психическихъ процессовъ, которые должны изъ собственно непространственныхъ элементовъ ощущенія создать пространственное качество.

„Группа производности въ свою очередь распадается на слѣдующія подгруппы: а) теорію *слиянія* (Гербартъ), б) теорію *ассоціаціи* (Бэнь, Милль, Спенсеръ), в) теорію *локальных знаковъ* (Лютце, Липпсъ), д) теорію *синтеза* (Вундтъ), е) теорію *апіористическую* (Кантъ).

„Названія каждой подгруппы показываетъ, какимъ процессомъ главнымъ образомъ создается пространственное качество изъ собственно непространственныхъ элементовъ“.

Не отрицая крупныхъ достоинствъ этой классификаціонной схемы (между ними главныя: ясность и почти исчерпывающая полнота дихотомического обозрѣнія), мы однако-же,—по мотивамъ, которыя, намъ кажется, не требуютъ разъясненія,—предпочитаемъ держаться иного классификаціоннаго принципа, а именно мы предпочитаемъ дѣлить всѣ теоріи на *три* группы:

1. Теоріи *эмпирическія*, которыя хотятъ (что, однакоже, имъ не удается) объяснить генезисъ идеи пространства *безъ предположенія* какихъ-либо, заранее и непосредственно извѣстныхъ ея элементовъ (представленій), какъ-то протяженія, фигуры и т. д.

2. Теоріи *нативистическія*, содержащія *открытое предположеніе* изначальной и непосредственной извѣстности намъ такихъ первичныхъ элементовъ (представленій) идеи пространства.

3. Теоріи *генетическія*—въ смыслѣ Вундтовскаго опредѣленія (*Очеркъ психологіи*, 137), то-есть такія, которыя „стараятся открыть путемъ психологическаго анализа представленій (о пространствѣ) *элементарные процессы*, благодаря которымъ возникаютъ представленія“.

росѣ, намъ необходимо прослѣдить теперь,—опять таки въ самыхъ общихъ чертахъ,—*генезисъ* „осязательнаго“ и „зрительнаго“ пространства. И именно—сначала „осязательнаго“, какъ системы болѣе простой и вмѣстѣ менѣе совершенной.

2. Генезисъ „осязательнаго“ пространства.

Предстоящая намъ здѣсь задача не совпадаетъ ни съ аналитическимъ описаніемъ того процесса, какимъ каждый изъ насъ, начиная съ младенчества, вырабатываетъ изъ первоначальныхъ хаотическихъ воспріятій сложную идею организованнаго реального пространства, въ чемъ видятъ одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ въ изслѣдованіи вопроса о пространствѣ нѣкоторые психологи (наприм. *Джемсъ*), ни—съ гипотетическою реконструкцію широкой картины пространственныхъ приспособленій у существъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ біологической лѣстницы и еще не обладающихъ зрѣніемъ, чѣмъ пользуются, какъ однимъ изъ вспомогательныхъ методовъ, для разъясненія вопроса нѣкоторые философы, вообще равнодушные къ біологическому методу ¹⁾. Нѣтъ. Ни тотъ, ни другой путь не отвѣчаетъ нашему специальному интересу: первый потому, что осложняетъ вопросъ анализомъ также и зрительныхъ пространственныхъ воспріятій, а второй потому, что во всякомъ случаѣ, хочеть объяснить болѣе извѣстное менѣе извѣстнымъ.

Не сбиваясь на эти, такъ сказать, окольные пути, мы должны попытаться *въ прямомъ порядкѣ* выполнить искусственную изоляцію тѣхъ первичныхъ элементовъ и процессовъ, изъ которыхъ можно было бы конструировать „осязательное“ пространство, т. е. именно вскрыть его генезисъ. И это вполне возможно. Конечно, процессъ, подлежащій въ данномъ случаѣ анализу, не данъ намъ непосредственно въ нашемъ собственномъ сознаніи. Однако, и помимо изложенной уже нами его характеристики со стороны слѣпцовъ, мы и сами можемъ, до нѣкоторой степени, приблизить его къ своему сознанію,—по крайней мѣрѣ, въ простѣйшихъ моментахъ. Мы можемъ, напримѣръ, одну и ту же линію воспринимать двоя-

¹⁾ Наприм., Ed. von Hartmann, *Kategorienlehre* (1896), ss. 119 folg.; Prof. Mach въ его новомъ сочиненіи *Erkenntniss und Irrtum* (Skizzen zur Psychologie der Forschung, Leipzig. 1905), Ss. 331—346.

кимъ образомъ: разъ, когда она моментально освѣщается, положимъ, электрическою искрою, и другой разъ—когда мы медленно проводимъ по ея длинѣ съ одного конца до другого рукою. Вотъ два различныхъ способа пространственнаго воспріятія,—зрительное и осязательное, моментальное и длительное. Одно и то же объективное содержаніе субъективно отражается здѣсь двумя различными способами, — подобно тому, какъ одна и та же мысль облекается въ различную словесную оболочку. Эта возможность, пусть лишь частичная,—возможность и для людей, обладающихъ зрѣніемъ усвоить себѣ и реализовать въ своемъ сознаніи нѣкоторые элементарные процессы „осязательнаго“ пространства,—способна служить, во всякомъ случаѣ, лучшимъ, чѣмъ „біологическій методъ“, косвеннымъ средствомъ для провѣрки относящихся сюда психологическихъ гипотезъ.

Итакъ, какимъ же образомъ и изъ какихъ первичныхъ элементовъ слагается „осязательное“ пространство?

Выслушаемъ сначала простѣйшій отвѣтъ, — отвѣтъ представителей эмпиризма.

Эмпирики, — Бэнъ, Броунъ, Милль и др., — обыкновенно опредѣляютъ пространство, какъ „просторъ для движенія“, о которомъ извѣщаютъ насъ специфическія ощущенія мускульнаго (или „мышечнаго“) усилія: показанія мускульнаго чувства—вотъ, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, первичные элементы идеи пространства.

Вотъ какъ, въ частности, эмпирики раскрываютъ этотъ свой основной тезисъ.

Самое надежное изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ,—такова нить ихъ разсужденій ¹⁾, — есть осязаніе. Но въ немъ два различныхъ момента, которымъ соотвѣтствуютъ двѣ различныя формы мускульнаго ощущенія или „различающей чувствительности мышечнаго усилія“: *прикосновеніе*, изъ котораго возникаетъ чувство сопротивленія, нѣкоторой противостоящей интенсивности, и—*движеніе*, изъ котораго возникаетъ чувство свободнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго и не связаннаго усилія, проявляющагося въ различныхъ формахъ напряженія и сокращенія тканей и органовъ тѣла. Послед-

¹⁾ См. у Джона Стюарта Милля, въ *Обзоръ философіи Гамильтона*, стр. 210 слѣд.

ній моментъ столь же реаленъ и доступенъ столь же точному измѣренію (вычисленію), какъ и первый, хотя, быть можетъ, нѣсколько менѣе отчетливъ. Чувство интенсивности или сопротивленія даетъ намъ идею пространства наполненнаго или тѣла, а *чувство свободного мускульнаго усилія, израсходованнаго движенія даетъ идею пространства ненаполненнаго, пустого т. е. пространства въ собственномъ смыслѣ.* И именно изъ этого источника мало по малу въ нашемъ сознаніи проявляются слѣдующіе элементы сложной идеи пространства. Вопервыхъ, представленіе *линейнаго протяженія*, описываемаго тѣмъ или другимъ органомъ тѣла и измѣряемаго количествомъ затрачиваемаго на выполненіе этого движенія мышечнаго усилія: мѣрой здѣсь служитъ именно чувство расходуемой мускульной силы. Далѣе, слѣдуютъ представленія *направленія*, равно какъ и *относительнаго положенія*: это послѣднее есть не что иное, какъ разстояніе одного направленія линейнаго протяженія относительно другого. Сюда примыкаютъ, затѣмъ, представленія *формы и фигуры*, съ ихъ различіями по длинѣ и ширинѣ: все это опредѣляется показаніями того же мускульнаго чувства, такъ какъ мы постепенно научаемся замѣчать, что, напримѣръ, медленное движеніе въ теченіе долгаго времени одинаково съ болѣе быстрымъ движеніемъ въ сравнительно краткій промежутокъ времени, что легко узнается по тому, что оба движенія производятъ одинъ и тотъ же эффектъ, напримѣръ, полное отклоненіе того или другого члена. Итакъ, — заключаютъ эмпирики, — простое движеніе органовъ нашего тѣла или, точнѣе, сопровождающее это движеніе чувство мускульнаго усилія, одно и само по себѣ, помимо всякихъ другихъ воспріятій, не исключая и самыхъ важныхъ т. е. зрительныхъ, способно породить всѣ тѣ „умственные впечатлѣнія или состоянія сознанія“, изъ которыхъ, какъ изъ своихъ элементовъ, складывается наша идея пространства.

Самый трудный пунктъ въ только что намѣченной нами теоріи происхожденія идеи „осязательнаго“ пространства, — пунктъ, который, какъ увидимъ дальше, для многихъ дѣйствительно служитъ камнемъ преткновенія, — есть переходъ величины *протенсивной*, т. е. преемственности нашихъ чувствованій мускульнаго усилія, въ величину *экстенсивную*, порядка временнаго въ пространственный распорядокъ одно-

временно сосуществующихъ элементовъ. Однако эмпирики, повидимому, совершенно благополучно преодолеваютъ эту трудность,—именно указаніемъ на тотъ фактъ, что мы весьма рано уже приобретаемъ сознание одновременности многихъ осязательныхъ ощущеній. То, что для одного члена дано, какъ послѣдовательный (временный) рядъ моментовъ, то же самое для двухъ или нѣсколькихъ членовъ оказывается данымъ, какъ одновременная серія пространственныхъ моментовъ. Когда мы переносимъ свою руку отъ пункта А къ пункту Б, то мы получаемъ представленіе лишь величины протенсивной, которую можемъ истолковать и какъ величину чисто временную. Но когда мы *одновременно* переносимъ другую руку чрезъ то же разстояніе въ *обратномъ порядкѣ* отъ Б къ А, тогда возможность истолковывать это разстояніе въ смыслѣ величины временной уже исключена: „промежуточная серія мышечныхъ ощущеній“,—комментируетъ Милль,—„есть единственная особенность, отличающая одновременность въ пространствѣ отъ одновременности, которая можетъ существовать, наприм., между вкусомъ и цвѣтомъ, или между вкусомъ и запахомъ“¹⁾. Такимъ образомъ, *пространство т. е. величина экстенсивная, съ точки зрѣнія эмпиризма, есть величина или, точнѣе, система величинъ протенсивныхъ плюсъ синхронизмъ.*

Такова, въ упрощенной формѣ, гипотеза эмпириковъ. Зерно ея, какъ видимъ, совершенно просто,—просто до прозрачности, особенно, если освободить его, какъ это пытались сдѣлать мы при своемъ изложеніи, отъ тѣхъ случайныхъ придатковъ, которые давали и даютъ поводъ къ обвиненію ея защитниковъ въ грубыхъ и, будто бы, совершенно очевидныхъ подтасовкахъ... И тѣмъ не менѣе, даже и въ этой упрощенной формѣ, нѣкоторые строгіе критики находятъ возможнымъ предъявлять къ ней упрекъ въ допущеніи скрытаго *petitio principii*. „Теорія“,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ,—„предполагаетъ, что элементы, изъ ассоціаціи которыхъ выводится идея пространства т. е. чувствованія мускульнаго усилія не пространственны. Слѣд., и въ образующихся изъ нихъ, путемъ ассоціаціи, сложныхъ психическихъ состояніяхъ ничего не можетъ появиться совершенно

¹⁾ Тамъ же, стр. 217.

новаго и по своей природѣ специфически отличнаго отъ свойствъ элементовъ, вошедшихъ въ соединеніе или ассоціацію, подобно тому, какъ въ самомъ сложномъ химическомъ тѣлѣ не можетъ появиться, напримѣръ, сѣры, золота или желѣза, если ихъ не было въ болѣе простыхъ тѣлахъ, изъ которыхъ составилось сложное. Отсюда, если въ отдѣльныхъ элементахъ мускульнаго чувства не было ничего пространственнаго, то пространственность не можетъ появиться и въ ихъ ассоціаціи или въ образовавшемся изъ нихъ сложномъ продуктѣ. Значитъ вывести пространственность изъ соединенія непространственныхъ составныхъ элементовъ можно только тогда, когда мы тихомолкомъ и софистически ее туда уже вложили“ ¹⁾. Это незаконное, „софистическое“ введеніе въ объяснительный процессъ самаго объясняемаго понятія, это *petitio principii*, по разъясненію другого критика изложенной нами теоріи ²⁾, допущено, будто бы, въ двухъ слѣдующихъ пунктахъ: а) въ признаніи первичной и непосредственной извѣстности нашего организма, какъ величины именно пространственной; б) въ скрытомъ допущеніи идеи пространства при объясненіи ея элементовъ (протяженія, направленія и т. д.), каковыя элементы, будто-бы, уже предполагаютъ объясняемую ихъ сочетаніемъ пространственную концепцію.

Справедливы ли, однако, эти обвиненія? Дѣйствительно ли изложенная нами теорія страдаетъ столь грубымъ логическимъ недостаткомъ?

Въ этомъ позволительно усумниться,—по крайней мѣрѣ, относительно одной части возраженія.

Именно, намъ кажется, что Милль былъ вполне правъ, когда въ отвѣтъ на послѣднее возраженіе, замѣтилъ ³⁾, что не протяженіе (направленіе, разстояніе, форма и т. д.) предполагаетъ пространство, но, наоборотъ, это послѣднее предполагаетъ первое, такъ какъ пространство можетъ быть опредѣлено, между прочимъ, именно, какъ „агрегатъ протяженій“ (направленій, положеній, мѣстъ и т. д.), точно такъ же какъ время можетъ быть опредѣлено въ смыслѣ „агре-

¹⁾ Проф. Козловъ, *Свое Слово*, выпускъ 4-й, стр. 11—12.

²⁾ Милль, *op. cit.*, стр. 69,—возраженіе проф. Мэггефи.

³⁾ *Ibid.* стр., 71.

гата послѣдовательностей“ (преемствъ, моментовъ и т. д.), причемъ, очевидно, никакого *retitio principii* въ теоріи не оказывалось бы: вѣдь, дѣйствительно не элементы (протяженіе, направленіе и т. д.) предполагаютъ слагающееся изъ нихъ пространство, а наоборотъ,—оно предполагаетъ тѣ, такъ какъ изъ нихъ строится. Никакого „софистическаго“ про-скальзыванія въ построеваемую идею пространства, будто бы „тихомолкомъ“ въ нее заранѣе вложенныхъ, элементовъ въ эмпирической теоріи, такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, совсѣмъ не оказывается.

Однако, неосновательное въ только что указанномъ моментѣ, изложенное нами выше возраженіе вполнѣ достигаетъ своей цѣли въ другомъ. Дѣло въ томъ, что эмпиризмъ, дѣйствительно, дѣлаетъ нѣкоторое логически не правомѣрное допущеніе въ свою теорію. Именно, вѣдь онъ предполагаетъ *изначальное* непосредственное знаніе нами своего собственнаго тѣла, какъ первично данной и невыводимой пространственной величины, и только при помощи этого непосредственнаго знанія, которое служитъ для эмпиризма точкою отправленія и вмѣстѣ базисомъ, онъ оказывается способнымъ объяснить генезисъ „осязательнаго“ пространства.

Но эта ссылка на непосредственное, предваряющее всякій опытъ, знаніе пространства, въ формѣ знанія нами собственнаго организма, какъ первой изъ извѣстныхъ намъ пространственныхъ величинъ,—эта ссылка переводитъ уже насъ отъ эмпиризма къ нативизму, какъ его необходимому логическому дополненію.

Всмотримся ближе въ тезисъ и аргументацію *нативизма* ¹⁾.

Зерно этой теоріи мы находимъ уже у извѣстнаго физіолога *Иоганна Мюллера*, съ именемъ котораго связана знаменитая теорія „специфическихъ энергій“,—хотя, конечно, въ формѣ совершенно примитивной. Наши познанія пространственныхъ отношеній,—такова сущность его теоріи,—покоятся на врожденной намъ способности различать части своего

¹⁾ Суммарно-краткое, но въ то же время достаточно содержательное историческое обозрѣніе гипотезъ нативизма см. у Ribot, въ его *La psychologie allemande* (1885), p. 97 suiv. Ср. русскій переводъ Ройзмана (изд. „Научнаго Обозрѣнія“, Спб. 1895 г.) подъ заглавіемъ: *Современная германская психологія*, стр. 86 и слѣд.

тѣла, какъ занимающія каждая свое особое мѣсто въ пространствѣ. А эта способность, въ свою очередь, покоится на способности нашихъ осязательныхъ нервовъ, а, слѣдовательно, и тѣхъ частей организма, по которымъ они распространены, „чувствовать свою собственную протяженность“... Какъ видимъ, теорія не только примитивна, но и грубовата. Однако, счастливая мысль нашла многихъ адептовъ, которые ее разрабатывали. Такъ, прежде всего, *Веберъ*, съ циркулемъ въ рукѣ, доказалъ, что вся площадь нашего тѣла, въ отношеніи къ осязательной чувствительности, можетъ быть раздѣлена на сравнительно небольшіе участки, овальной или эллиптической формы, отчасти пересѣкающіеся, изъ которыхъ на одномъ два различныхъ раздраженія, напримѣръ два укола ножекъ циркуля, ощущаются какъ одно, тогда какъ на двухъ разныхъ, хотя бы и смежныхъ,—какъ разные. Съ своей стороны, *Лотце* сдѣлалъ еще одно дополненіе,—своею извѣстною теорією такъ называемыхъ „мѣстныхъ знаковъ“ т. е. „присущихъ каждому отдѣльному ощущенію свойствъ, которыми душа возбуждается къ своей пространственной дѣятельности“ ¹⁾. Онъ показалъ, что осязательныя ощущенія, въ отличіе отъ другихъ, имѣютъ не одинъ только интензивный характеръ, но сверхъ этого еще, такъ сказать, нѣкоторыя дополнительныя помѣтки спеціальнаго оттѣнка, на основаніи которыхъ душа размѣщаетъ причины этихъ ощущеній въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ,—подобно тому, какъ, напримѣръ, плотникъ собираетъ изъ груды бревенъ срубъ избы, руководясь тѣми помѣтками, которыя онъ сдѣлалъ на бревнахъ, когда разбиралъ срубъ: точно такимъ же образомъ и душа наша, по указанію мѣстныхъ знаковъ, „реконструируетъ пространство“.

Изъ сочетанія только что намѣченной нами гипотезы *натурализма* съ изложенною ранѣе гипотезою *эмпиризма* образовалась въ наукѣ гипотеза примирительно-смѣшаннаго (однако-же, не эклектическаго!) характера, которая, освобождая вопросъ, въ самой его постановкѣ, отъ крайностей.

¹⁾ По выраженію, — очень точному и содержательному! — Вундта, въ его *Логикѣ* (Logik, 1893), B. I, s. 507: „unter den Localzeichen Lotze versteht eben die einer einzelnen Empfindung anhaftende Beschaffenheit, durch welche die Seele zu ihrer raumsetzenden Thätigkeit angeregt werde.“

чрезъ то самое возбуждаетъ надежды на его исчерпывающее рѣшеніе въ дальнѣйшей исторіи, отчасти же успокоиваетъ научную пытливость, нѣкоторыми научно-безспорными результатами, уже и теперь.

Разработка этой теоріи отмѣчена, главнымъ образомъ, двумя, хорошо извѣстными въ философской наукѣ, именами: Вундта и Рилля.

Точка зрѣнія *Вундта* на занимающій насъ теперь вопросъ опредѣляется двумя, характерными именно для него, чертами: во-первыхъ, теорією, такъ называемыхъ, *сложныхъ мѣстныхъ знаковъ* и, во-вторыхъ, теорією *психического синтеза*. Система „мѣстныхъ знаковъ“, по Вундту, вполне достигаетъ своей цѣли только у человѣка, обладающаго зрѣніемъ, и именно чрезъ то, что къ ихъ („осязательнымъ“) показаніямъ „приводитъ зрительное представленіе тронутаго мѣста“. Однако, и безъ этого условія, т.-е. у людей, лишенныхъ зрѣнія, они всеже способны служить цѣлямъ пространной оріентировки. За отсутствіемъ зрительныхъ образовъ, слѣпецъ прибѣгаетъ къ помощи движеній, причемъ, переходя отъ одного осязательнаго впечатлѣнія къ другому, получаетъ, именно въ ощущеніяхъ движенія, мѣрку для опредѣленія разстоянія, на которомъ осязательныя впечатлѣнія отстоятъ другъ отъ друга. Только благодаря этимъ внутреннимъ ощущеніямъ движенія, производимаго при переходѣ отъ одного осязательнаго впечатлѣнія къ другому, слѣпецъ и можетъ составлять себѣ представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ положенія и разстоянія: при передвиженіи *внѣшнихъ* осязательныхъ впечатлѣній каждымъ двумя ощущеніямъ *a* и *b*, съ опредѣленнымъ различіемъ въ мѣстныхъ знакахъ, соотвѣтствуетъ опредѣленное *внутреннее* ощущеніе *a*. Большему различію въ мѣстныхъ знакахъ *a* и *e* соотвѣтствуетъ болѣе интенсивное двигательное ощущеніе *r*; и т. д. Изъ сочетанія вотъ этихъ-то системъ ощущеній, внутреннихъ и внѣшнихъ, и возникаетъ у слѣпцовъ порядокъ пространственнаго размѣщенія получаемыхъ ими впечатлѣній. Такимъ образомъ, его пространственное представленіе можно опредѣлить, какъ „результатъ сліянія внѣшнихъ осязательныхъ ощущеній и непрерывно мѣняющихся по качеству мѣстныхъ знаковъ ихъ съ непрерывно мѣняющимися по интенсивности внутренними осязательными ощущені-

ями“¹⁾. Этотъ процессъ „экстензивнаго сліянія“ разнородныхъ ощущеній, возбуждаемыхъ съ одной стороны, внѣшними раздраженіями, а съ другой центральной иннервациею двигательныхъ органовъ, Вундтъ уподобляетъ химическому процессу, въ которомъ, наприм., изъ двухъ металловъ возникаетъ тѣло съ новыми свойствами или, положимъ, изъ кислорода и водорода новое тѣло, вода, почему и называется иногда „психическою химіею“, — впрочемъ, съ нѣкоторыми, довольно существенными, ограниченіями, разъясняющими, что предъ нами аналогія, во всякомъ случаѣ, нестрогая²⁾.

¹⁾ *Очеркъ психологій*, перев. подъ ред. проф. Грота (М. 1897), стр. 130.

²⁾ Сравнительную роль синтетическихъ и аналитическихъ процессовъ въ выработкѣ „осязательнаго“ пространства Вундтъ поясняетъ хорошимъ примѣромъ. „Почителенъ“, — пишетъ онъ (*Очеркъ*, стр. 128—129), — „способъ чтенія слѣпцами письма Брайя. Обыкновенно слѣпцы пользуются при этомъ обоими указательными пальцами правой и лѣвой руки. Правый палецъ движется впереди, ощущывая одновременно группу точекъ (синтетическое осязаніе), а лѣвый за нимъ нѣсколько медленнѣе, ощущывая другъ за другомъ послѣдовательно отдѣльныя точки (анализирующее осязаніе). Но оба эти впечатлѣнія, одновременное и послѣдовательное, соединяются другъ съ другомъ и относятся къ одному и тому же объекту. Этотъ приемъ ясно указываетъ, что у слѣпыхъ, какъ и у зрячихъ, вовсе не дается вмѣстѣ съ воздѣйствіемъ осязательныхъ впечатлѣній на органы осязанія непосредственно и ихъ различенія въ пространствѣ, но что здѣсь на долю движеній, при помощи которыхъ служащій для анализирующаго осязанія палецъ проходитъ отдѣльныя разстоянія, выпадаетъ такая же роль, какъ у зрячаго на долю сопутствующихъ зрительныхъ представленій“. Теорія „психическаго синтеза“ или „экстензивнаго сліянія“ изложена Вундтомъ, всего обстоятельнѣе и съ отстраненіемъ возраженій, въ его *Физиологической психологій* (*Grundzüge der Physiologischen Psychologie*, Leipzig, 1893, — см. первыя главы *второго* тома, особенно стр. 38 и 38—45), гдѣ Вундтъ дѣлаетъ и то свое ограниченіе къ этой аналогіи, о которомъ мы говоримъ въ текстѣ. Der Hinweis auf die chemischen Verbindungen, — пишетъ, между прочимъ Вундтъ (op. cit. 45—6), — will nur durch ein für unsere heutige Erkenntnisstufe augenfälliges Beispiel veranschaulichen: Niemand kann die Eigenschaften des Wassers aus denen des Wasserstoffs und des Sauerstoffs vorhersehen, obgleich Niemand bezweifelt, dass sich jenés aus diesem zusammensetzt. Sachlich ist diese Analogie deshalb keine ganz zutreffende, weil die chemische Dynamik möglicher und sogar wahrscheinlicher Weise noch dazu führen kann, die Eigenschaften einer Verbindung aus denen ihrer Bestandteile vorauszusagen. Bei der psychischen Verschmelzung dagegen wird, wie ich meine, gemäss dem allgemeinen Charakter psychologischer Gesetze immer nur dieses möglich sein, dass man

Риль дѣлаетъ въ области занимающаго насъ вопроса, сравнительно съ Вундтомъ, шагъ впередъ. Но, какъ бы по какой-то игрѣ идей („игрѣ“, однако-же, логически вполне закономерной), этотъ „шагъ впередъ“, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть также и шагъ назадъ, къ позиціи эмпиризма. Мы знаемъ, что для эмпириковъ пространство есть не что иное, какъ „просторъ для движенія“. Нативисты чистаго типа (Іоганнъ Мюллеръ, Веберъ, Лотце и др.) дополняютъ это ученіе своею теоріею „мѣстныхъ знаковъ“, молчаливо, какъ мы видѣли, предполагаемую уже и самими эмпириками. Вундтъ объединилъ обѣ эти теоріи въ своемъ ученіи о „психическомъ синтезѣ“. Но тогда какъ онъ взглянулъ на дѣло, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія результата, *продукта* синтеза, Риль, проходящій существенно въ томъ же направленіи и усвояющій относительное значеніе всѣмъ, выясненнымъ нами доселѣ и теперь опять только что перечисленнымъ, моментамъ сложнаго психологическаго ученія объ „осязательномъ“ пространствѣ, смотритъ на вопросъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія *факторовъ* этого синтеза и, по преимуществу, основнаго изъ нихъ, именно системы иннервационныхъ (по терминологіи эмпириковъ: „мышечныхъ“, „мускульныхъ“) чувствованій, которыя онъ называетъ также *центрально-моторными*.—Специфическій характеръ „осязательнаго“ пространства и для него, какъ для эмпириковъ, опредѣляется, прежде всего и главнымъ образомъ, именно этими ощущеніями психофизическаго усилія. По его собственному сравненію, для насъ, зрячихъ, нѣкоторымъ намекомъ на чисто „осязательное“ пространство могло бы служить то смутное представленіе пространственности, которое получилось бы у насъ, если бы, наприм., мы, вытѣснивъ предварительно, насколько это для насъ возможно, свои зрительныя представленія, захотѣли бы, исключительно съ помощію осязанія, ориентироваться въ темной комнатѣ: мы получили бы при этомъ представленія извѣстной преем-

die Eigenschaften der Componenten gewissermassen in der Resultante wiedererkennt; niemals aber wird diese so vollständig und ohne Rest aus den ersteren hervorgehen, dass man etwa dem, der die Vorstellung des Tastraumes nicht selbst erlebt hätte, diese beibringen könnte, wenn man ihm unabhängig von einander Tastempfindungen mit ihren Localzeichen und Bewegungsempfindungen mitzutheilen vermöchte.

ственности и длительности ощущеній, можетъ быть даже того смутнаго „нѣчто“, которое обусловливаетъ „возможность движенія“. Но все это имѣло бы лишь отдаленное сходство съ тѣмъ конкретнымъ, воззрительно-картиннымъ представленіемъ о комнатѣ, которое имѣетъ о ней зрячій ¹⁾. И въ этой,—повторяемъ неполной и не точной, лишь приблизительной и носящей преимущественно временный характеръ,—пространственной ориентировкѣ, руководствомъ для насъ, какъ и для слѣпцовъ, служатъ именно моторныя ощущенія. И у насъ, зрячихъ, аргументируетъ Риль, они, какъ извѣстно, играютъ въ пространственныхъ представленіяхъ очень большую роль: всѣмъ извѣстно, наприм., что проходимое нами разстояніе, если на немъ сдѣлана остановка, кажется длиннѣе, чѣмъ безъ нея, подобно тому, какъ рабочій, сильно утомляющій труженика, день кажется ему длиннѣе, чѣмъ „пролетающій“ въ праздности и веселомъ бездѣльѣ. Но у слѣпцовъ эти чувствованія (иннерваціонныя, центрально-моторныя), естественно, достигаютъ особенной и чрезвычайной тонкости и, опираясь на нихъ, они могутъ, съ помощью периферическихъ осязательныхъ ощущеній („мѣстные знаки“,—и для Рилия необходимый факторъ), построить сложную и тончайше выработанную ткань пространственныхъ отношеній: „тожество опредѣленнаго чувства направленія во время движенія для осужденнаго довольствоваться лишь осязаніемъ есть тоже, что для зрячаго воззрительный образъ прямой линіи; внезапное измѣненіе этого чувства соотвѣтствуетъ созерцательному образу угла: непрерывное измѣненіе—кривой линіи и т. д.“ ²⁾. Въ системѣ иннерваціонныхъ чувствованій, изъ которыхъ мало по малу у слѣпцовъ складывается представленіе какого-то объемно-компактнаго цѣлаго,—„континуума“, сплошнаго „нѣчто“, какъ возможности движенія,—Риль различаетъ три частичныхъ системы, соотвѣтственно тремъ основнымъ группамъ центрально-моторныхъ показаній: вверхъ—внизъ, направо—налѣво, впередъ — назадъ. Каждому измѣненію въ положеніи нашего тѣла соотвѣтствуетъ опредѣленный комплексъ

¹⁾ Prof. A. Riehl, *Der Philosophische Kriticismus*. B. II, 1 (Leipzig. 1879) S. 147.

²⁾ Ibid., S. 145—6.

этихъ чувствованій: измѣняется центръ тяжести нашего тѣла,—измѣняется и комплексъ элементарныхъ моторныхъ чувствованій, которыми обусловлена въ данномъ случаѣ наша пространственная ориентировка. Вслѣдствіе своего органическаго сочетанія именно съ этою-то „троякою системою моторныхъ чувствованій“, система осязательныхъ ощущеній (сопровождаемыхъ „мѣстными знаками“) превращается въ „одно, трояко опредѣленное, многообразіе“, которое, благодаря подвижности этихъ, объединенныхъ въ одно цѣлое, системъ, еще разъ превращается въ одно трояко протяженное (но „лишь временно протяженное“, —подчеркиваетъ Риль въ духѣ общей своей односторонности) многообразіе, которое и служить, по Риллю, основой осязательнаго пространства ¹⁾.

Въ основныхъ логическихъ моментахъ (*не историческихъ*, однако: это не наша задача!), вопросъ о генезисѣ осязательнаго пространства можно теперь считать исчерпаннымъ.

Это суммарно-аналитическое обозрѣніе главнѣйшихъ направлений въ рѣшеніи нашего вопроса, на нашъ взглядъ, ставитъ внѣ спора, по крайней мѣрѣ, два факта:

1. Осязательное пространство аналитически можетъ быть разложено на тѣ самыя компоненты (составныя части), изъ которыхъ фактически и возникаетъ въ живомъ процессѣ психическаго синтеза,—въ чистой формѣ у слѣпорожденныхъ, въ смѣшанной (съ зрительными представленіями) у людей, обладающихъ зрѣніемъ.

2. Значеніе *организуемаго матеріала* въ генезисѣ осяза-

¹⁾ *ibid.*, 144.—Что „осязательное“ пространство выступаетъ въ сознаніи слѣпцовъ съ *преобладающимъ* временнымъ характеромъ, это согласно признается большинствомъ психологовъ и, поскольку Риль въ данномъ отношеніи оказывается солидарнымъ съ ними, его изложеніе не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній. Но иногда (см., напр., стр. 145) его фраза звучитъ гораздо рѣшительнѣе, въ смыслѣ признанія за „осязательнымъ“ пространствомъ *исключительно* временной природы, и тогда онъ становится въ противорѣчіе не только съ признаваемымъ большинствомъ психологовъ мнѣніемъ, но отчасти и съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ же считаетъ, наприм., возможнымъ образованіе *при помощи одного осязанія* познаній тѣла, вещественности, воспріятія которой, однакоже, по его словамъ (стр. 146), неотдѣлимы отъ представленій разстоянія, тяжести и различія въ направленіи и т. д., то-есть отъ элементовъ пространственности...

тельного пространства имѣютъ, конечно, первичныя данныя: внѣшнія осязательно-периферическія ощущенія, съ дополнительными „мѣстными знаками“ и внутреннія иннервационно-моторныя ощущенія; значеніе-же *организующаго фактора*, очевидно, остается всецѣло именно за „психическимъ синтезомъ“.

Предстоящее намъ теперь изученіе генезиса зрительнаго пространства, дополняя компоненты процесса, должно вмѣстѣ съ тѣмъ,—и это его главная цѣль,—уяснить природу организующаго фактора, то-есть психического синтеза, который пока остается для насъ еще почти совершенно неизвѣстнымъ искомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алексѣй Введенскій.
